

Лоренс М. Солан

ВСПОМИНАЯ ПИТЕРА ТИЕРСМУ

Перевод с английского Светланы Власенко

Перевод на русский и публикация с любезного разрешения автора текста Л. М. Солана

Источник:

Solan, Lawrence M. Remembering Peter Tiersma, in: *International Journ. of Speech, Language and the Law*. 2014. Vol 21, No. 2. P. 413—416. [Available online at: <http://www.equinoxpub.com/journals/index.php/IJSL> (last accessed 11.04.2015)]; and in: *Language and Law / Linguagem e Direito*. 2014. Vol. 1 (1). P. 211—214. [Available online at: <http://ler.letras.up.pt/uploads/ficheiros/12701.pdf> (last accessed 11.04.2015)].

Международный журнал *International Journal of Speech, Language and the Law* — официальное издание Международной ассоциации юрлингвистики и Международной ассоциации судебной фонетики и акустики. Журнал *Language and Law / Linguagem e Direito* — официальное издание Португальской ассоциации юрлингвистики, публикуется на двух языках — английском и португальском [<http://linguisticaforense.pt/>]

СВЕДЕНИЯ О ПЕРЕВОДЧИКЕ: Власенко Светлана Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры международного публичного и частного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» при Правительстве РФ (НИУ ВШЭ, Москва); адрес: 123022, Москва, Большой Трёхсвятительский пер., 3; e-mail: svlasenko@hse.ru.

Не берусь утверждать с точностью, когда я впервые встретился с Питером Тиерсмой, но думаю, что это произошло где-то в начале 1990-х. В то время я по-прежнему занимался юридической практикой и участвовал в конференциях, на одной из которых и встретил Питера. К тому времени он уже встал на академическую стезю, оставив в 1990 г. юридическую практику и пополнив профессорско-преподавательский состав Лойольской школы права в Лос-Анджелесе. В ней он проработал 24 года вплоть до своей кончины 13 апреля 2014 г.

В то время, как, впрочем, и сейчас, область исследований по взаимодействию языка и права была открытой и привлекательной. Работая в одной из юридических фирм Нью-Йорка, я посвящал свое свободное время науке. Периодически я выступал на конференциях, докладывая о своих исследованиях — это поощряли ученые, изучавшие данную проблематику. В те годы обсуждению данной тематики на крупных конференциях, таких, например, как заседания Американской ассоциации права и общества или Лингвистического общества Америки, посвящали обычно не более одной-двух секций. Почти неизменно на всех этих конференциях кто-нибудь из участников обязательно советовал мне познакомиться с Питером Тиерсмой, так как у нас обоих было одинаковое образование — ученая степень в лингвистике (Ph. D.) и степень доктора права (J. D.), и к том же наши позиции по исследованию языка и права были схожи. На одной из таких конференций мы с Питером и познакомились, однако точно вспомнить, на какой именно, мне сейчас трудно.

Одно я помню отчетливо: мы подружились с Питером незадолго до того, как в 1996 г. я перешел работать в Бруклинскую школу права, влившись в ряды ее профессорско-преподаватель-

ского состава. В самом начале того года, уже заняв преподавательскую должность, но еще не приступив к работе, я должен был съездить в Лос-Анджелес на судебное заседание по делу, в разрешении которого я непосредственно участвовал. На том этапе наше знакомство с Питером было шляпным, но я подумал, что будет правильно остановиться в Лойоле, чтобы немного с ним пообщаться. Кроме того, мне хотелось познакомиться с деканом Лойолы, Джеральдом Маклафлином, который ранее долгое время преподавал в Бруклинской школе права. К тому времени мне уже удалось изучить некоторые работы Питера, в особенности его исследования по языку договорного права, которые были абсолютно превосходными и, возможно, самыми лучшими из всех, которые мне прежде довелось читать по этому вопросу. Итак, возможность поближе познакомиться с Питером казалась мне своевременной, и я крайне радовался этому.

Несколько часов мы провели вместе, включая приятную беседу с деканом. Чем мне запомнился тот день, так это осознанием, что Питер был очень образован в областях, о которых я знал совсем немного, в особенности в истории языка и истории права, имел отменное чувство юмора, а также тем, что наши интересы, хотя и не идентичные, во многом совпадали. Однако, что более важно, общаться нам было легко, потому что мы друг другу понравились. Я только приступал к новой карьере, и для меня имело большое значение знакомство с таким коллегой, которому можно было показать свои исследования и обсудить идеи, несмотря на то что он жил и работал на расстоянии более четырех тысяч километров от меня.

Начав преподавательскую карьеру, я участвовал в тех же конференциях, что и Питер, и мы зачастую выступали на одних и тех же секциях.

© Lawrence M. Solan, 2014.

© Власенко С. В., перевод на русский язык, 2015.

Именно в это время стало расти число конференций, посвященных тем или иным аспектам взаимодействия языка и права, а это лишь увеличивало возможности нашего общения. Прошло совсем немного времени, когда, оказываясь на таких конференциях, мы старались предусмотреть совместный ужин, и вскоре нас уже воспринимали как неразлучную пару. Питер — фигура харизматичная, что находило отражение в его проникновенных речах и прямо следовало из его преподавательских рейтингов в Лойоле, год за годом бивших все доселе установленные рекорды. В течение долгих лет, когда мы ездили на разные научные мероприятия, не нашлось человека, которому бы пришлось в голову пригласить нас на ужин по отдельности, и не уверен, что кто-то из нас двоих пошел бы в одиночку. «Лэрри, не хочешь с нами поужинать?» — «Конечно, Питер, я приду». И аналогично в обратном направлении. Вместе с тем в других вопросах Питер был достаточно скрытным человеком и, за редким исключением, не спешил открывать свое отношение.

По мере того как наша дружба крепла, у нас возникло решение написать совместную книгу. Питер как раз заканчивал важнейший труд своей жизни, «Юридический язык» (*Legal Language*, 1999) — книгу, которую опубликовало издательство Чикагского университета. Мы написали Джону Тринески, редактору этого издательства, который работал с нашими книгами (у меня также вышла книга в этом издательстве), о намерении написать работу, посвященную тематике взаимодействия языка и права. Тринески воспринял эту идею с энтузиазмом, и в 2005 г. наш проект реализовался выходом тома «Обсуждая преступления: язык уголовной юстиции» (*Speaking of Crime: The Language of Criminal Justice*, 2005). Однако во временном промежутке между идеей и ее воплощением произошло одно событие. Предложив Питеру совместно поработать некоторое время над структурой книги во время запланированного на январь 1998 г. заседания Ассоциации американских школ права и юридических факультетов университетов (AALS), я получил от него ответ, что идея ему понравилась, но воплотить ее не удастся, так как ему только что диагностировали лейкемию. Раунд 1.

Несколько последующих лет Питер боролся с лейкемией, а вместе мы все-таки работали над нашим замыслом: боролись за книгу. На самом деле борьбы между нами никогда не было, поскольку каждый работал в свойственном ему стиле, и надо было лишь научиться оставлять друг другу немного пространства. Для нас это почти не составляло никакого труда. Написание одних глав было в его ведении, других — в моем. Затем мы редактировали написанное друг другом, выверяли детали, усиливали аргументацию. Книга получилась лучше, чем если бы каждый из нас написал ее самостоятельно, и помимо всего прочего мы получили удовольствие от совместной работы. Возникла лишь одна загвоздка в процессе работы: глава о лжесвидетельстве. Каждый из нас написал свое по этой теме. Анализ понятия в чисто профессиональном смысле, казалось, отличался у нас немногим, но в результате появились расхождения, которые мы никак не могли

уладить. Ушли недели на споры по крохотным деталям (иногда с непреодолимым упрямством, которое я признаю и о котором сожалею), но в конечном итоге мы пришли к единодушному решению, давшему нам обоим повод для гордости: мы осознавали достигнутое согласие как большое достижение.

Одно из моих любимых воспоминаний связано с самым началом работы над упомянутой книгой. На одной из конференций мы встретились с Джоном Тринески, чтобы обсудить порядок завершения работы над коллективной рукописью. Джону понравилась наша позиция: он всегда решительно нас поддерживал. В конце беседы он сказал, что все-таки ответственность за окончательную стилистическую правку следует принять одному из нас, чтобы книга читалась на одном дыхании. Мне подумалось: «Ну вот. Я ни за что не стану этого делать». Питер подумал: «Ну вот. Я ни за что не позволю Лэрри всем этим заниматься». Каким-то неведомым образом Джон сумел по выражению лиц почувствовать отношение и намерение каждого из нас, попросил Питера взять на себя ответственность за книгу. Питер согласился, хотя и без особого энтузиазма. Не прошло и часа, как мы обменялись друг с другом впечатлениями за бокалом вина, с улыбками и смехом. Даже еще совсем недавно мы с Питером обсуждали возможность издать дополнение к этой книге. Останься он в живых, мы бы собрали еще один том.

В первое десятилетие текущего века мы с Питером представляли собой успешный авторский коллектив: мы опубликовали не только «*Speaking of Crime*», но также восемь совместных статей, причем все это на фоне индивидуального творчества и написания самостоятельных работ. Назову две работы Питера — замечательную книгу «Пергамент, бумага, пиксели» (*Parchment, Paper, Pixels*) и его статью «Текстуализация прецедента» (*The Textualization of Precedent*). По моему убеждению, книга является самой лучшей его работой, которую он написал за всю жизнь. В ней содержатся ценные положения по теории права, творческий характер которых только усиливают доказательные размышления о взаимосвязи истории развития технологий и истории становления права.

Наше знакомство и сотрудничество переросло в крепкую дружбу. По телефону мы долго не общались, но никогда надолго друг о друге не забывали и в течение года виделись по несколько раз, по крайней мере в последние годы. Мы ездили друг к другу в гости, продолжали участвовать в одних и тех же конференциях, иногда в конце таких конференций вместе совершали короткие путешествия, договаривались пересечься в Европе, если случалось, что оба там оказывались по своим делам, вместе преподавали в Китае. Во время одной из таких поездок на Восток Питер расчищал лопатой снег вместе со мной. Для него это был первый опыт, для меня — нет. В Калифорнии мы любили путешествовать, изучая замечательные достопримечательности, места исторического прошлого этого штата, не пропуская и винодельческие хозяйства, где всегда пробовали вина из сорта винограда *Pinot Noir*. Питер и его жена Тейя чрезвычайно гостеприимны, и я приезжал в их гос-

тевую комнату, как в свою собственную, зная, что это не так, но так мне больше нравилось.

Эти поездки были для меня особенно приятны, поскольку Питеру ничего не доставляло такого удовольствия, как сопровождать гостя и быть гидом, даже по местам, где ему самому не приходилось бывать ранее. Перед предстоящей поездкой он обычно много читал о месте, в которое должен был поехать, всегда точно выбирал наиболее значимые культурно-исторические достопримечательности. И о чем только он не знал: был человеком сведущим и разбирался во многих вещах, особенно в явлениях и реалиях природы — от птиц до горных хребтов. После одной из конференций в Амстердаме мы заехали в провинцию Фрисландия в северной части Нидерландов, где в 1952 г. Питер родился. Там я увидел старое фермерское подворье, на котором Питер провел свои юные годы перед тем, как его семья эмигрировала в Соединенные Штаты и в конечном итоге осела в центральной части Калифорнии. Семья занималась молочным животноводством, и попутно замечу, что некоторые родственники по-прежнему им занимаются. Питеру всегда доставляло радость показать людям, что фризский был его родным языком. На самом деле он знал много языков, голландский был его вторым языком. Позже он освоил английский, испанский и немецкий; при этом хорошим владением немецким он обязан колледжу Стэнфордского университета. Затем он защитил диссертацию в Калифорнийском университете в Сан-Диего, а степень доктора права получил в Беркли.

У нас были общие друзья. Мои слова в память о Питере могут читать люди, которые узнали меня благодаря Питеру, а другие узнали Питера благодаря мне. Оглядываясь назад, думаю, что именно этой стороной наших взаимоотношений я особенно дорожу.

В 2009 г. мы начали работать над «Оксфордской энциклопедией языка и права» (*Oxford Handbook of Language and Law*), которая увидела свет в 2012 г. Питер взял на себя все руководство работой. Он был более дисциплинирован, нежели я, а проект задумывался как крупный, и для его реализации дисциплина была ключевым моментом. В конечном итоге работа была разделена

поровну, и книга была опубликована. В ней собрано много достойных глав, две из которых — плод нашего совместного труда. Это две последние работы, написанные нами в соавторстве. Именно во время этого сотрудничества, в самом начале 2012 г., у Питера диагностировали рак поджелудочной железы. Где-то за месяц до того, как стал известен диагноз, я поехал к Питеру, чтобы закончить рукопись и снять оставшиеся проблемные вопросы. Питер страдал от боли: болезнь, еще не выявленная, уже давала о себе знать. Затем мне довелось видеть его еще несколько раз, и всякий раз он героически сражался с раком, иногда страдая от боли, иногда испытывая некоторое отдохновение благодаря лечению и хирургическому вмешательству. Мы по-прежнему продолжали заходить на винодельческие фермы и в местные ресторанчики, но продолжительность таких выходов все более сокращалась по мере сокращения его жизненных сил. Он осознавал последствия, к которым мог привести рак поджелудочной железы, но продолжал изо всех сил свой жизненный путь, ценя каждый новый день как бесценный дар.

В течение прошлого года мне довелось перечитать многое из написанного Питером в связи с подготовкой книги, которая посвящена его памяти и в которой я выступаю редактором совместно с Дженет Эйнсворт и Роджером Шайем. Вклад Питера в развитие многих областей весом; эти области разнообразны и включают такие, как история и природа юридического языка, понятие клеветы и лжесвидетельства, признание вины в совершении изнасилования, противоречие между буквальным языковым выражением и прагматической инференцией в толковании юридических текстов, составление и толкование договоров, судебное производство по уголовным делам, применение материального права в уголовной юстиции, толкование законодательных актов, а также инструктаж суда присяжных.

Изначально я познакомился с Питером благодаря тому, что независимо друг от друга мы шли по очень схожей карьерной стезе, и к тому же этому способствовали близкие научные интересы. Наши пути не могли не пересечься. Все остальное стало для меня подарком судьбы.

Lawrence M. Solan

REMEMBERING PETER TIERSMA

Translated from English by Svetlana Vlasenko

ABOUT THE TRANSLATOR: *Vlasenko Svetlana Viktorovna, Ph.D. in Linguistics, Associate Professor, Public and Private International Law Department, Faculty of Law, National Research University — Higher School of Economics (NRU HSE), Moscow, Russia.*